

Полухина Яна Петровна

АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА И ЕЁ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХОЛЬМА ВАН ЗАЙЧИКА

Статья посвящена языковым средствам моделирования альтернативной картины мира. В романах Х. ван Зайчика функционируют механизмы моделирования вымышленной реальности, которые являются типичными для подобного жанра: онимы, новообразования различных типов, устаревшая и стилизованная лексика, экзотизмы и варваризмы, а также переплетение реальных и вымышленных номинаций и языковая игра. Однако большая часть приёмов, основанных на переплетении русской и китайской культур, является результатом индивидуального речевого творчества автора и неизменной приметой его индивидуального стиля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 143-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

создают метапрозаический подтекст исследуемых дневников. Рефлексии относительно устных выступлений носят общепрозаический характер, что отражается в привлечении большого количества цитат из прецедентных источников, т.е. неоднократные размышления о. Вениамина имеют определенную почву в религиозном. Рефлексии же по поводу создания письменного текста, самого процесса писания носят личный, интимный характер, поэтому условно противопоставлены рассуждениям о публичных выступлениях как акты социально и лично значимые для автора дневников. Анализ рефлексий относительно процесса писания видится перспективным продолжением исследования языка дневников Вениамина Федченкова.

Список литературы

1. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: в 4-х т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246> (дата обращения: 04.11.2013).
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л. В. Беловинского. М.: Олма Медиа Групп, 2012. 576 с.
3. **Евгеньева А. П.** Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1986. Т. II (К-О). 736 с.
4. **Евгеньева А. П.** Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1987. Т. III (П-Р). 752 с.
5. **Евгеньева А. П.** Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. IV (С-Я). 800 с.
6. **Елистратов В. С.** Словарь русского арго: материалы 1980-1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматичных выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=224> (дата обращения: 04.11.2013).
7. **Митрополит Вениамин (Федченков).** Дневники 1926-1948 гг. М.: Правило веры, 2008. 592 с.
8. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
9. **Русский семантический словарь** [Электронный ресурс] / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 04.11.2013).
10. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I (А-К). 771 с.

**LANGUAGE REPRESENTATION OF PUBLIC ADDRESSES PREPARATION PROCESS
IN METROPOLITAN VENIAMIN FEDCHENKOV'S DIARIES OF 1926-1948**

Panova Anna Aleksandrovna
Southern Federal University
Panyann@yandex.ru

Reference to religious figures' diaries research, who traditionally received good linguistic training, allows analyzing authorial reflections in linguistic aspect, which objects are language, elocution structure, its qualities, text writing process and so on. This article is devoted to the analysis of the reflection of ideas about ideal public address in metropolitan Veniamin Fedchenkov's diaries language of 1926-1948.

Key words and phrases: diary; religious discourse; elocution; speech qualities; citation; maxim.

УДК: 811.161.1

Филологические науки

Статья посвящена языковым средствам моделирования альтернативной картины мира. В романах Х. ван Зайчика функционируют механизмы моделирования вымышленной реальности, которые являются типичными для подобного жанра: онимы, новообразования различных типов, устаревшая и стилизованная лексика, экзотизмы и варваризмы, а также переплетение реальных и вымышленных номинаций и языковая игра. Однако большая часть приёмов, основанных на переплетении русской и китайской культур, является результатом индивидуального речевого творчества автора и неизменной приметой его индивидуального стиля.

Ключевые слова и фразы: альтернативная история; моделирование реальности средствами языка; онимы; новообразования; языковая игра.

Полухина Яна Петровна, к. филол. н.
Тюменский государственный университет
yanessa7@yandex.ru

**АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА
И ЕЁ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХОЛЬМА ВАН ЗАЙЧИКА©**

Жанр альтернативно-исторической прозы в последние годы востребован у массового читателя и уже нашёл своих исследователей с позиций философии, истории и литературоведения. Специфика жанра заключается в следующем: в одном из ключевых моментов истории события по тем или иным причинам развернулись

иначе, не так, как в реальности. Вследствие этого возникшая модель мира стала отличаться от существующей. Изменения, как правило, касаются всех сторон жизни общества: политики, экономики, культуры и т.д. «Как тип прозы альтернативная история восходит к таким жанрам, как утопия и антиутопия, однако, в отличие от них, осмысляет уже свершившуюся историю с современной точки зрения. Для альтернативно-исторической прозы характерны изображение мира совершеннее, чем он есть, описание не реальных, а вымышленных событий, поиск общественного идеала, масштабность изображаемого, <...> игра с историческими сюжетами» [1, с. 15]. Некоторые исследователи объясняют растущую популярность жанра тем, что в подобных книгах читатель получает иллюзию свободы от уз времени и пространства.

В связи с этим представляется актуальным изучение данного явления с позиций лингвистики, выявление языковых средств, которые формируют авторский мир в произведениях подобного рода. Альтернативная картина мира в художественной литературе – это картина любого мира, отличного от реального (существовавшего или существующего). Таким образом, альтернативно-исторические миры являются частью вымышленных литературных миров (в основном, фантастических). Следовательно, здесь действуют те же законы моделирования мира. Безусловно, есть и своя специфика. Альтернативно-исторический мир лишь частично выдуман, базовая его часть должна быть узнаваема напрямую либо с небольшими видоизменениями.

К произведениям жанра альтернативной истории относится цикл романов Хольма ван Зайчика «Плохих людей нет» («Евразийская Симфония»): «Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игореве», «Дело лис-оборотней», «Дело победившей обезьяны», «Дело судьбы Ди», «Дело непогашенной луны». Романы получили широкий отклик в среде читателей, породив армию поклонников, создавших фан-клуб в Интернете, где поклонники в своих беседах активно используют «неологизмы-зайчикизмы».

Согласно нашей истории, в XIII веке сын хана Батыя Сартак, друг и побратим Александра Невского, оказавший ему большую помощь в Ледовом побоище, был отравлен. Основная идея альтернативного мира Х. ван Зайчика такова: Сартак выжил и вместе со своим побратимом создал огромное государство Ордусь «с чрезвычайно специфической культурой. <...> Оно раскинулось от сияющих тропиков Индокитая и Тайваня до холодных вод Суомского залива, и каждый из составляющих его семи улусов имел сообразно исторической традиции свою столицу. Императорских же резиденций было всего три: Ханбалык на востоке, Каракорум в центре и... Александрия Невская на северо-западе» [8, с. 7].

Израэль Ш. отмечает, что «Сотворенная ван Зайчиком Ордусь – альтернативный вариант развития нашей планеты, и в этом смысле книга сродни великим утопиям прошлого... Это и книга религиозного поиска: жители Ордуси – синкретисты, православные, мусульмане, буддисты, а империю держат воедино идеи Конфуция: почитание старших, стремление к законопорядку, предпочтение общего интереса личному, государство как одна большая семья. Строгую иерархичность конфуцианства умеряет принцип гармонии: все допустимо, пока это не противоречит общей целостности» [6, с. 192].

Интересно и то, что автор цикла романов является вымышленным: под этим псевдонимом работают петербургские писатели-фантасты и учёные-востоковеды Вячеслав Рыбаков и Игорь Алимов.

Альтернативная реальность в произведениях «Евразийской симфонии» моделируется не только сюжетно, но и во многом с помощью языковых средств. Главная примета вымышленной реальности – языковые новации, редкие авторы пренебрегли ими. Д. Оруэлл создаёт новояз, у Дж. Р. Р. Толкиена мы наблюдаем не только новообразования, но и особые синтаксические модели для передачи речи персонажей определенных рас и т.д.

В текстах романов Хольма ван Зайчика активно функционирует множество онимов, новообразований, актуализируются пассивная лексика, экзотизмы и варваризмы. Все эти лексические нововведения «ломают» привычную для нас картину мира и рисуют контуры новой, вымышленной.

Онимы в художественном тексте достаточно хорошо исследованы в филологической литературе (работы В. В. Виноградова, Ю. Н. Тынянова, Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, а также В. А. Кухаренко, В. Н. Михайлова, О. И. Фояковой и др.), однако в произведениях жанра альтернативной истории ономастический акцент смещается с антропонимов на топонимы.

Основными координатами альтернативного пространства являются топонимы. Их можно условно разделить на три группы:

1) реальные: *Сибирь, Казань, Кавказ, Тибет, река Лиелупе, гора Тайшань, гора Эмэйшань, река Янцзы*; некоторые топонимы передают фонетические особенности китайского языка: *Мосыкэ, Нева-хэ, Моикэ-хэ, Даугава-хэ* (в переводе с китайского *he* – река), *Кэлемули-гун* (Кремль);

2) архаизмы и историзмы: *Ханбалык* (название Пекина во времена монгольской династии Юань), *Каракорум* (столица средневековой Монгольской империи, которая сохранилась в авторской модели мира);

3) вымышленные названия для неизвестных и известных нам топонимов: *Ордусь* (Орда + Русь), *Александрия Невская* (Санкт-Петербург), *Суомский залив* (Финский залив) от самоназвания Финляндии – Суоми, *Нихон* (Япония) – также самоназвание, *древние форты острова Балык-йок* (Кронштадт), *Асланив* (собирательный образ городов Украины) и подобные.

В тексте произведений встречаем также другое название Ордуси – *евразийский семиулусник*, от расположения Ордуси в Европе и Азии и наличия в ней семи улусов (улус – административно-территориальная единица в Якутской АССР и Калмыцкой АССР).

В изменённом виде предстаёт перед нами альтернативный Санкт-Петербург, это опять же прочитывается через урбонимы: *Лигоуский проспект* (якобы от имени знаменитого литератора и реформатора Сунской династии Ли Гоу); *Литийный проспект* (Литейный проспект); *улица Малых Лошадей* (Малая Конюшенная улица), *остров Лунного Зайца* (Заячий остров); *храм Конфуция* вместо Исаакиевского собора. В альтернативной

северной столице мы встречаем и *проспект Всеобъемлющего Спокойствия*, *проспект Радостного Умиротворения*, *мост Святой Троицы* (вместо Троицкий мост) и др.

Большинство топонимов создаётся по модели китайских названий (как, например, *Храм Неба*, *Площадь небесного спокойствия*), что подчёркивает сильное влияние китайской культуры в альтернативном мире Ордуси. Другая часть топонимов подчёркивает бережно сохранённые русские и славянские ценности: *ресторан «Кирилл и Мефодий»*, *что на проспекте Вознесения* (Вознесенский проспект); *харчевня «Пустынник Онуфрий»*.

Новые топонимы порождают и необходимые для новой реальности производные слова: *ордославистика*, *ордусянин*, *ордусский*, достояние *общеордусских* масштабов, *ханеянки*, *нихонский*, *нихонец*, *по-нихонски*, *мосыковичи*, *мосыковский*, *свенский*, *корёский* и подобные.

Китайские топонимы входят в состав сравнительных оборотов, что подчёркивает особенности ордусско-го образа мыслей и картины мира: *в пепельнице громоздилась гора Тайшань окурков*; *Ваши заслуги велики, как гора Тайшань, и широки, как река Янцзы*. В китайской культуре гора Тайшань – одна из пяти священных даосских гор, поэтому сравнение с ней привносит в образные выражения не только гиперболизацию, но и комический эффект.

Среди антропонимов в романах можно выделить две группы:

1) реальные, как правило, связанные с китайской историей и культурой (что опять же подчёркивает преобладание этих культурных ценностей в жизни Ордуси): *Конфуций*, *Чоу Ян-Фат* (всемирноизвестный китайский актёр), *Мэй Лань-фан* (выдающийся артист пекинской оперы), *Чжу Юань-чжан* (первый император династии Мин), *Ду Фу* (поэт династии Тан), *Чжу Си* (китайский философ);

2) вымышленные: *Богдан Рухович Оуянцев-Сю*, *Багатур Лобо*, философ *Шэнь Бухай*, директор *Жо Пу-дун*, чат *Мэй-ли* (в переводе с китайского *měilì* – красивая), *Бибигуль Хаимская*, *Джанибек Гречкович Непроливайко*, князь *Фотий*, патриарх *Сила Второй*, наставник *Баоши-цзы*, ученики наставника *Сяо-бянь* и *Да-бянь* (что можно перевести с китайского как «малая нужда» и «большая нужда») и подобные.

Вымышленные имена подчёркивают многонациональность и смешение наций в альтернативном мире, однако часть антропонимов стилизована (часто с иронией) под китайские и обыгрывают имена реальных людей в нашем мире: *Хаммер Цорес* (Сорос), *Глюксман Кова-Леви* (Сергей Ковалев), *Бейбаба Кучум* (Кучма), *Лю Жоу-кэ* (Лужков) и другие. А. С. Пушкин в мире Ордуси именуется по-китайски — *Пу Си-цзин*. И даже кота главный герой назвал *Судья Ди*, как главного героя повестей Роберта ван Гулика (прототипа псевдонима автора), действие которых разворачивается в средневековом Китае.

В Ордуси при вежливом обращении к человеку говорят, калькируя с китайского, *tongzhi*, *драгоценный одиночайтель* или просто *драг еч*, то есть человек, имеющий сходные стремления, идеалы, чаяния. Другая калька с китайского при обращениях – *преждерождённый* или *прер*, то есть *xiānsheng* – дословно с китайского – «тот, кто родился ранее». На страницах романов мы постоянно видим такие обращения, как *драг прер еч*, *драгоценнонавестившие*, *драгоценноприехавшая преждерождённая одиночайтельница* и подобные. Такие этикетные формулы также работают на создание альтернативной картины мира, где подобные обращения естественны.

Реальность вымышленного мира проглядывает и через незнакомые, но узнаваемые наименования организаций, профессий, должностей и т.п.

В наименованиях организаций совмещаются старые русские и китайские стилевые черты: *Банк Правильного Денежного Обращения*, *Срединная Палата Церемоний*, *Управление Великого Постоянства*, *Ведомство Одеаний*, *Ведомство Здоровья*, *Ведомство Алтарей Гармонии*, *Возвышенное управление государственной безопасности*, *Управление справедливого снабжения деньгами*, *Павильон предварительного заключения* и другие.

Все должности и научные звания являются китайскими архаизмами: *минфа* (кит. *míngfǎ* – законник, правовед), *цзюйжень* филологических наук (*jūrén* – вторая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при династиях Мин и Цин); *вэйбин* (*wèibīng* – караульный; охранник), *цзайсян* (*zǎixiàng* – канцлер, премьер), *шилан* (*shíláng* – товарищ министра, в романах – замминистра), *дасюеши* (*dàxuéshì* – советник императора), *ланчжун* (*lángzhong* – телохранитель, охранник внутренних ворот дворца) и т.п.

Названия документов также стилизованы под устаревшую лексику: *ведомственные уложения Директората Свободного и Частного Предпринимательства*, *дорожно-транспортные уложения*, *образцовое уложение династии Тан*.

Жители Ордуси живут по «ханьскому лунному календарю», поэтому даты они обозначают в традиционном китайском стиле – *в 13-й день восьмого месяца*, *во вторую седмицу восьмого месяца*, *в первый день седьмого месяца* и т.п. Названиям дней недели придано единообразие в древнерусском стиле: *первица*, *вторница*, *средница*, *четверница*, *пятница*, *шестерница*, *седмица*.

В системе единиц измерения также наблюдается своеобразие: гармонично сосуществуют старинные русские единицы измерения (*пядь*) и китайские («Скорость до пятисот ли» (*lǐ* – китайская верста, около полукилометра), «на глубине восьми с чем-то шагов» (*bù*, или «шаг» – 1,6 метра)).

Большинство наименований блюд и напитков, встречающихся в книгах ван Зайчика, являются китайскими экзотизмами, говорящими нам о том, что в Ордуси распространена китайская кухня: *блюда ханбалыкской кухни*, *пиво «Великая Ордусь»*, *бутылка «Нева пицзю»* (кит. *píjiū* – «пиво»), *«Лёгкое циндаоское»* (пиво), *эрготоу* (гаоляновый самогон), *маньтоу со сладкой соей*, *цзяоцзы*, *баоцзы*, *соус «цяньмэньцзян»*, *ханбалыкская утка* (пекинская утка), *сунхуадань* (особым образом приготовленное утиное яйцо) и другие.

Наименования праздников в альтернативной реальности либо копируют одноимённые китайские, либо оказываются придуманными и стилизованными под китайские: *Чуньцзе* – праздник весны, начало лунного года; *Дни Ликования Вкуса* – вторая седмица восьмого месяца, когда повара Дворца Баоцзы соревнуются друг с другом, готовят новые, невиданные сорта баоцзы и пр.

Сохраняются и традиционные христианские праздники, например, *Яблочный Спас*, но они не описываются авторами так подробно, как китайские.

Новые номинации включаются в игру слов на уровне перевода. Например, в переводе с китайского *běijīng* (Пекин) – «северная столица», а в мире ордусской реальности так называют Александрию Невскую (Санкт-Петербург). Таким образом обыгрывается гармоничное единство двух столиц, а также умозрительная связь альтернативной реальности с нашей. Другим примером языковой игры является надпись на монументе Александру Невскому, возвышающемся над Чудским озером, – «Путин ваньсуй», что в переводе с китайского означает «Да здравствует наша всеобщая пограничная сторожевая вышка!». При этом, по мнению авторов, никакой двусмысленности здесь нет.

Все книги ван Зайчика насыщены цитатами и псевдоцитатами из Конфуция. К последним можно отнести следующие: «Поднимающийся на рассвете угоден духам предков и имеет больше времени служить родителям» (ср. Кто рано встаёт, тому Бог подаёт); «Стоит фениксу хотя бы кончиком лапы увязнуть в болоте – и весь он полностью пропадает в зловонной тине быстрее, чем варится просыная каша» (ср. Коготок увяз – всей птичке пропасть) и т.п.

Знакомые читателю песни звучат с изменёнными словами: «Союз нерушимый улусов культурных сплотили навек Александр и Сартак» [2, с. 60] (ср. «Гимн СССР»), «Не откажите мне в любезности Прочеств со мною весь –Дунь Юй» [3, с. 52] (ср.: *Не откажите мне в любезности Со мной пройти слегка туда-сюда из «Марша высотников»*), «Ечи, ечи, это в наших силах» [4, с. 222] (ср. песню «Если бы парни всей земли») и т.п.

Играя словами, авторы создают альтернативную идиоматику: *После драки боевыми веерами не машут; Хвала Будде!; Что Будда пошлёт* и другие.

Подобные псевдоцитаты, «обновлённые» идиомы и фольклор также формируют в сознании читателя особенности мировоззренческих установок жителей альтернативной реальности.

Во всех деталях нового мира чувствуется влияние китайской культуры, проявляющееся через специфическую лексику. Например: от жары «шофёры падали в обморок... и веера выпадали из их натруженных рук» [2, с. 18], один из героев ловил «выскользнувший из палочек кусок яичницы» [Там же, с. 79]. Слова *веер* и *палочки* изменяют привычную петербургскую реальность, отсылая нас к традиционной восточной культуре. На храме Конфуция мы встречаем иероглифическую надпись «Кун-цзы-мяо» (храм Конфуция), на подносе – чеканка «в виде танцующих цилиней и феникса».

Любимыми выражениями главного героя являются «*Амитофо!*» (буддистское «О, Господи!»), «*Три Яньло им всем в глотки!*» (Яньло-ван – владыка подземного царства), «*Гуаньинь милосердная!*» (бодхисатва Гуаньинь – богиня милосердия), отсылающие нас к буддистской мифологии.

При подавляющем большинстве деталей китайской культуры сохраняется и русская, исконная культура. По большей части она проявляется в тех частях романов, которые связаны с христианской религией и русской глубиной. Как в речи героев, так и в авторских описаниях мы встречаем большое количество устаревших русских слов. Поскольку история в книге шла иным путём, отличным от реального, некоторые фонетические, грамматические и лексические изменения в русском языке так и не произошли. Поэтому в текстах мы наблюдаем такие словоформы, как участники *противубообщественного* деяния, *шкапообразный* юноша, *противуборствующие* стороны; *окуляр* (очки), *новую видеофильму*, *лицедей* (актёр), *комнаты отдохновения*, *италийская* мебель, *синематографический*, *вотце*, *харчевня*, *присноблаженный* хан, *балтического* типа, *кончерто*, *геликоптер* и многие другие.

Иногда мы сталкиваемся с гармонично-ироничным слиянием двух культур: «*Затеплил лампаду перед образом Спаса Ярое Око, преклонил колена – и трижды нараспев прочитав иероглифические благопожелательные надписи, свисавшие по обе стороны иконы, ...истово молился*» [Там же, с. 285].

Под влиянием «закрытости» либо же под влиянием консервативного направления в русском практически все новые слова, приходящие с новыми жизненными реалиями в мире Х.ван Зайчика, в «ордусском» языке калькируются или переводятся: *воздухолётный вокзал* вместо *аэропорт*, *магнитный проигрыватель* вместо *магнитофон*, *колонья вода* вместо *одеколон*, *воздухолёты людовозные* вместо *самолёты пассажирские*, *гигагерцевый обработчик* (процессор), *деятельная память* (оперативная память), *вещник повозки* (багажник автомобиля), *древнеискатели* (историки), *древнекопатели* (археологи), *махатель* (дирижёр), *человеконарушения* (преступления) и другие.

Таким образом, альтернативная реальность во многом моделируется посредством языковых средств: новообразований, реальных и вымышленных топонимов, антропонимов, наименований продуктов питания, единиц измерения и т.п., а также через стилизацию русского и китайского языков определённого исторического периода. Переплетение в тексте существующих и вымышленных номинаций создаёт модель альтернативной реальности, возникшей путём слияния русской и китайской культур и достаточно легко воспринимаемой и дешифруемой читателем.

Многие механизмы моделирования вымышленной реальности, используемые в текстах «Евразийской симфонии», можно встретить и у других авторов, работающих в подобном жанре. Однако большая часть приёмов является результатом индивидуального речевого творчества автора и неизменной приметой его индивидуального стиля.

Список литературы

1. **Альтернативно-историческая проза** // Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006.
2. **Ван Зайчик Х.** Дело жадного варвара. СПб.: Азбука, 2000. 288 с.
3. **Ван Зайчик Х.** Дело о полку Игоре. СПб.: Азбука, 2001. 416 с.

4. Ван Зайчик Х. Дело Судьи Ди. СПб.: Азбука, 2003. 304 с.
5. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.
6. Израэль Ш. Наше прошлое – дело нашего будущего // Новая русская книга. 2001. № 3-4. С. 188-196.
7. Козлова С. М. Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 73-81.
8. Трофимова О. От редактора // Ван Зайчик Х. Дело жадного варвара. СПб.: Азбука, 2000. С. 6-8.

**AUTHOR'S MODEL OF ALTERNATIVE PICTURE OF THE WORLD
AND ITS LANGUAGE IMPLEMENTATION IN WORKS OF KHOL"М VAN ZAICHIK**

Polukhina Yana Petrovna, Ph. D. in Philology
Tyumen State University
yanessa7@yandex.ru

The article is devoted to the language means of modeling the alternative picture of the world. In the novels of H. van Zaichik the mechanisms of modeling the fictional reality, which are typical of this genre, function: onyms, neologisms of different types, old and stylized vocabulary; exoticisms and barbarisms, also the interaction of real and fictional nominations and language game. However, most of the techniques, based on the interaction of the Russian and Chinese cultures, are the result of individual's verbal creativity and the constant sign of his individual style.

Key words and phrases: alternative story; modeling reality by means of language; onyms; neologisms; language game.

УДК 80

Филологические науки

В филологии нередко не существует общепринятого определения для того или иного явления; и понятие художественного образа используется учеными для обозначения различных явлений. Данный факт может стать причиной несогласованности в употреблении сходных филологических терминов. В статье рассматривается вопрос об отношении художественного образа к смежным понятиям филологии: о его сходных и различных чертах с такими понятиями как имидж, художественный концепт, лингвокультурный типаж, портрет, лик, символ, знак. Автор рассматривает различные научные точки зрения на соотношение названных понятий.

Ключевые слова и фразы: художественный образ; имидж; художественный концепт; лингвокультурный типаж; портрет; лик; символ; знак.

Постникова Екатерина Анатольевна

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
ekaterinanatolievna@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В СРАВНЕНИИ СО СМЕЖНЫМИ ПОНЯТИЯМИ ФИЛОЛОГИИ©

Художественный образ – это единица художественного текста, целостно отражающая типичные и индивидуальные черты реального объекта, творчески созданная автором и выраженная словесно. Одним из дискуссионных вопросов теории художественного образа является отграничение понятия художественного образа от сходных понятий: имидж, художественный концепт, лингвокультурный типаж, портрет, лик, символ, знак.

Художественный образ и имидж. Русскоязычному термину *образ* нет полного соответствия в англоязычной филологии. Буквально русское *образ* переводится на английский язык как *image*, однако литературный термин *image* в англоязычной филологии имеет более узкое значение, чем его русский аналог. *Image* трактуется как отдельная ментальная картина в сознании читателя, выраженная словесно и заменяющая различные способы восприятия реальности, которыми обладает человек (слух, зрение, осязание, вкус и обоняние) [23, р. 202]. Под словом *image* в англо-американских исследованиях также нередко понимается образное средство языка [21]. Л. М. Козеняшева указывает на то, что полностью значение русского термина *образ* раскрывается в английском языке через несколько понятий, среди которых *image, symbol, copy, figure, icon* [8, с. 14].

В отечественном языкознании встречается и термин *имидж*, переданный на русский язык путем транскрибирования с английского *image*. В. В. Белобрагин [2], изучая понятие *имидж* в психологии и социологии и сравнивая его с *образом* как категорией эстетики, обнаруживает общность данных понятий. Эта общность проявляется в следующем: 1) семантическая общность; оба понятия обозначают тип, характерные, обобщенные черты человека или общественной группы определенной исторической эпохи, явлений природного мира; 2) оба понятия являются моделями, инструментами познания; 3) эмоциональность; и образ у читателя, и имидж у зрителя вызывает соответствующую эмоциональную реакцию; 4) идеализация; 5) общность процесса взаимодействия субъекта и объекта; 6) формирование посредством индивидуального, группового,